

XVI–XX веков. Материалы четвертой региональной научной конференции. Новосибирск, 1999; он же. Монархическая периодическая печать Сибири о евреях (1907–1915 гг.) // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Выпуск шестой. Материалы II региональной научно-практической конференции (25–27 августа 2001 года). Красноярск–Иркутск, 2001; Язынин А.Е. Правые монархисты в Тобольской губернии // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Ч. 1. Омск, 2000; Попов Д.И. культурно-просветительская деятельность черносотенцев в западной Сибири в 1907–1914 гг. // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Тезисы докладов и сообщений IV региональной научно-практической конференции. Омск, 2000.

²⁴ Толочко А.П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.). Томск, 1989; он же. Черносотенно-монархическая периодическая печать в Сибири как источник по истории общественного движения в крае в 1907–1914 гг. // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории (тезисы научно-методической конференции). Омск, 1993; он же. Хроника черносотенно-монархического движения в Сибири. 1905–февраль 1917 г. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Омск, 1995; он же. Черносотенцы в Сибири (1905–февраль 1917 г.). Омск, 1999; он же. Территориальное размещение, численность и социальный состав черносотенных организаций в Сибири в начале XX в. // Человек в истории. Томск, 1999; он же. Организационное оформление черносотенного движения в Сибири в начале XX в. // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. № 4. Омск, 2000.

²⁵ Толочко А.П. Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в. Омск, 2001.

²⁶ Станкова М.В. Черносотенно-монархическое движение в Западной Сибири... С. 15.

²⁷ Шиловский М.В. Черносотенцы в Сибири... С. 34; Бузмаков Е.Л. Черносотенные организации в Сибири С. 17.

²⁸ Шиловский М.В. Черносотенно-монархическое движение в Сибири начала XX в. С. 26.

²⁹ Станкова М.В. Указ. соч. С. 17; Шиловский М.В. Указ. соч. С. 26–28; Толочко А.П. Указ. соч. С. 35.

³⁰ Бузмаков Е.Л. Указ. соч. С. 17.

³¹ Кучер В.В. Указ. соч. С. 67.

А.М. КУРЫШОВ

ЗЕМЕЛЬНЫЕ СПОРЫ В СРЕДЕ ИРКУТСКИХ БУРЯТ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ. КАК ПРИЗНАК КРИЗИСА ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ

В исторической литературе достаточно распространенным является мнение, что до конца XIX в. у бурят преобладала родовая организация. Под воздействием внешних факторов (в первую очередь — правитель-

твенных мер) родовая община превращается в территориальную¹. Однако факты говорят о том, что к рубежу XIX–XX столетий территориальная община как экономический институт уже давно была реальностью для иркутских бурят.

Фактически бурятский род к концу XIX в. был лишь административно-территориальной единицей и не контролировал земельные отношения². «Состоящие в пользовании инородцев земельные дачи официально числятся за целыми родами (лишь в виде исключения — за отдельными селениями или улусами) и чаще не за одним родом, а за несколькими»³. Упомянутые в официальных источниках «роды» являлись лишь территориальными объединениями экзогамных родов, зачастую никакого отношения в плане общности происхождения друг к другу не имеющих. Но даже в экзогамном бурятском роде власть родового старейшины (иехэ-эсыгэ) была существенно ограничена, в то время как авторитет главы отдельной семьи (вабэ) для ее членов был непререкаем⁴. Это свидетельствует о фактическом разложении родовых отношений у бурят. Формально буряты пользовались земельными угодьями по ведомствам и родам, а фактически господствовало «булучное» (поселенное) землепользование⁵. В результате одними и теми же землями пользовались представители различных родов, угодья какого-либо селения или рода располагались чересполосно с угодьями других родов и даже русских крестьян. Вот несколько типичных примеров: буряты Четвертого Чернорудского рода Ангинского ведомства Верхоланского уезда пользовались одной дачей совместно с Шестым Чернорудским родом Ленского ведомства этого же уезда; одна из дач в Балаганском уезде находилась в совместном пользовании русских крестьян одного селения Тыретской волости и «инородцев» пяти селений Унгинского ведомства⁶.

Таким образом, наличие у западных бурят в конце XIX–начале XX вв. территориальной общины как господствующей формы поземельных отношений не вызывает сомнений. И это нормально, учитывая давние земледельческие традиции иркутских бурят (хлебопашество было известно бурятам еще до прихода в Сибирь русских, но существует и мнение, что земледелие в Прибайкалье вообще носит непрерывный характер, начиная с бронзового века). Земледелие прибайкальских бурят уже к началу XIX в. находилось на той стадии развития, которая «не требовала никаких заимствований» извне⁷. Естественно, что внутреннее развитие бурятской общины в условиях развитого земледелия должно было привести к разложению рода, что и произошло, по-видимому, уже к началу XIX в. (а возможно, и ранее). Вместе с тем в конце XIX–начале XX вв. община бурят действительно подвергается трансформации. Эта трансформация была связана с переходом от земледельческой территориальной общины «захватного» типа к общине уравнительной.

Одним из важнейших признаков такого перехода являлись земельные споры, которые во множестве зафиксированы как внутри бурятских

родов, так и между родами и инородческими ведомствами. Важной причиной земельных споров была крайняя запутанность порядка землепользования, которая была одним из проявлений противоречия между формальной родовой организацией и реальной территориальной системой. «Точное (хотя бы для одного момента) исчисление всех земель, находящихся фактически в чьем-либо пользовании, при настоящем состоянии источников статистики сибирского землевладения представляется совершенно невозможным», — отмечается в «Материалах по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний», изданных по итогам широкомасштабных исследований 1887–1889 гг.⁸ Крайняя запутанность землепользования неизбежно порождала споры. Например, отмечается спор между Первым и Третьим Нозтскими родами Молькинского ведомства, делящийся с 1837 г., спор между улусами одного (Третьего Готольского) рода Боханского ведомства из-за сенокосных угодий, спор из-за покосов же оседлых «инородцев» Баендаевского ведомства со своими кочевыми сородичами и многие другие⁹. Обычны были и споры бурят с русскими крестьянами, например, спор между «инородцами» Аларского ведомства и крестьянами Голуметской волости из-за охотничьих и рыболовных угодий. За пользование лесными угодьями, например за вырубку леса, голуметские крестьяне выплачивали «инородцам» «весьма значительную цену»¹⁰. Показательна тяжба Тункинского волостного правления и Кайморской инородной управы в 1895 г., начавшаяся из-за частного спора двух крестьян Тукуринского селения — братьев Усольцевых — и «инородца» Второго Хангадорского рода Антипа Худякова¹¹. Земельная община у русских и бурят зачастую не совпадала с податной единицей или сельским обществом (родом)¹². Как типичный, приведем пример Молькинского ведомства Балаганского округа. В ведомстве состояло семь родов, в пользовании которых находилось семь дач (различных по площади). При этом Первый Нозтский род пользовался четырьмя дачами, Третий Нозтский — одной, одна дача находилась в пользовании трех родов (Первого, Второго и Третьего Бороевских), а еще одна — в пользовании сразу пяти родов (трех Бороевских и Третьего и Четвертого Холтубаевых). Все семь родов юридически объединялись в три общины¹³. Пример Молькинского ведомства являлся не исключением, а правилом. Такая система не могла не вызывать проблем. Положение усугублялось чересполосицей, которую министр земледелия и государственных имуществ во время поездки в Сибирь летом 1898 г. определил как «чрезвычайную»¹⁴. Впрочем, в какой-то степени чересполосица представляется оправданной, так как дробность участков в суровых сибирских условиях была залогом хоть какого-то урожая в случае плохой погоды.

Еще одной причиной многих земельных споров, на этот раз не между родами или селениями, а между отдельными индивидами, был рост социального неравенства, связанный с кризисом обычной для Сибири фор-

мы землепользования. В «Материалах...» такая форма названа «захватно-родовым владением»¹⁵, хотя и подчеркивается, что «инородцы только пользуются отведенными им землями»¹⁶. Подтверждали преобладание в Сибири захватного землевладения и советские исследователи¹⁷. «Захватно-родовое владение» было оптимальной формой землепользования в условиях наличия свободных земель, перспективных в плане вовлечения их в хозяйственную деятельность. Но к концу XIX в. с ростом населения и активизацией колонизации стала ощущаться нехватка земель, и это привело к оформлению двух противоположных тенденций в землепользовании. С одной стороны, часть бурят в традициях «захватного владения» пытается закрепить за собой землю, используя «право труда» (захват общинной земли на основании затрат личного труда на ее обработку), «право наследования» (захват общинной земли после смерти фактического пользователя на основании родства или завещания), «право давности» (захват общинной земли на основании ее давней заброшенности)¹⁸. В источниках зафиксированы многочисленные случаи самовольных захватов земель внутри общины, особенно пашен и угугов (искусственно орошаемых покосов)¹⁹. Подобная практика приводила к углублению имущественного неравенства и к трансформации традиций землепользования. Если на леса и степные выгоны еще распространялось совместное пользование, то утуги уже освобождаются от общественной опеки, а пашни находились исключительно в индивидуальном пользовании. Неравномерность распределения земель приводила к недовольству малоземельных крестьян, что стало причиной проявления второй тенденции — стремлению общинников ограничить землепользование своих состоятельных сородичей. Так, инородцы Тункинского ведомства в марте 1887 г. на общем суглане (собрании) составили приговор, в котором, между прочим, говорилось: «...Менее состоятельные инородцы указывают на то, что богачи захватили огромные сенокосные и хлебопахотные угодья... Раньше сенокосной земли доставалось на душу 5–6 дес., а теперь не более 1–2 дес. на душу... Инородцы указывают, что богачи почти никогда не расчищали новой земли...», и далее — решение суглана: «...Все сенокосные земли, луга и степные пашни весной будущего года разделить по числу душ так, чтобы землями этими одинаково были наделены как богатые, так и бедные»²⁰. Тункинские буряты были не одиноки в своем желании осуществить передел земли. «В 3-м Харанутском роде, Кудинского ведомства, хотя там производятся расчистки и теперь, между бедняками идут большие разговоры о переделе пашни по наличным душам мужского пола. Тамошние богачи даже не допускают [такой — А.К.] идеи... Во 2-ом Абоганатском роде уже толкуют о переделе...»²¹. Для многих бурят передел был единственной возможностью справиться с нуждой. Само по себе глубокое социальное расслоение у бурят в конце XIX века является неоспоримым фактом. Например, в Верхоленском уезде в 1873 г. было 27,9% безлошадных и однолошадных бурятских хозяйств. В 1889 г. таких хозяйств было уже 43%.

Вместе с тем, более половины посевов и 60% скота находились в руках богачей²². Исследователями констатируется появление во второй половине XIX столетия новой социальной группы — батраков²³. 16,5% бурятских хозяйств отпускали работников по найму, 11% нанимало батраков на год, около 10% — на время определенных работ²⁴. Рост имущественного неравенства неизбежно приводил к углублению социальных противоречий, роль общины в этих противоречиях, в условиях общинного землепользования, была чрезвычайно высока.

Таким образом, во многих бурятских ведомствах к концу XIX в. назрел вопрос о переделе земли. Поземельные споры стали «хроническим и повседневным явлением»²⁵. Иногда «инородцы» производили передел самостоятельно. Но иногда, в силу неразрешимости противоречий внутри рода или селения, буряты обращались к властям. В некоторых случаях власти отказывали, ссылаясь на то, что распределение земель между инородцами «зависит от них самих», в некоторых — межевание производилось за счет «инородцев»²⁶. «Постепенно появляются и усиливаются споры из-за земли, являются случаи самовольного запахивания меж, нарушения прав на землю, изменяются порядки наследования, нарушается чистая форма захватно-родового владения, переходя местами в подушную разверстку...», — констатируется в «Материалах по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний»²⁷. Уже после X ревизии (1858 г.) в некоторых улусах было произведено поравнение утугов, а кое-где передел сенокосных угодий позднее происходил ежегодно²⁸.

Захватное пользование землей исчерпало себя к концу XIX столетия. И это утверждение справедливо не только по отношению к бурятской общине, но и к русской старожильческой. Земельные споры, подобные бурятским, были обычным явлением и для русских волостей и селений. Сопоставив эти факты можно предположить, что бурятская земледельческая община (как и русская сибирская) на рубеже XIX–XX вв. вступила в фазу кризиса, который должен был закончиться установлением уравнительных отношений, характеризующихся усилением фактора общины в практике землепользования. Подобные процессы протекали и в Европейской России в XVII–XIX вв. (где в упомянутый период также произошел переход от «волостной» (т.е. «захватной») общины к уравнительной, что окончательно было юридически оформлено крестьянской реформой 1861 г.). Таким образом, трансформация земледельческой общины в направлении усиления общественного контроля за землепользованием было общим явлением как для русского населения, так и для инородческого, имеющего развитые формы и давние традиции хлебопашества. Трансформация эта разнесена по времени у европейских русских и сибиряков, но это связано, по-видимому, не с влиянием порядков Европейской России на сибирское землепользование, а с тем, что в конце XIX–начале XX вв. в связи с переселением крестьян из европейской части происходит сокращение удобных для хлебо-

пашества земель. В условиях нехватки земель появляются предпосылки к усилению общественного контроля за использованием земель. Обращает на себя внимание и то, что процесс трансформации земледельческой общины сопровождался законодательным закреплением общинного землепользования. В Сибири этот процесс начался в конце XIX в. реформой землеустройства, призванной упорядочить систему землепользования и юридически оформить права на пользование наделами, что в условиях разложения родовых отношений и наплыва переселенцев было необходимо. Реформа по существу уравнивала земельные участки. Не случайно старший чиновник Иркутского поземельно-устроительного отряда в докладе Иркутскому генерал-губернатору «О желательном порядке производства поземельно-устроительных работ у инородцев Иркутской губернии» от 17 июля 1906 г. в ряду достоинств реформы упоминал о том, что землеустройство дало дополнительные наделы малоземельным бурятам²⁹. Но, благодаря активному вмешательству государства, в ходе трансформации усиливалось не только влияние общины, но и влияние государства (ведь закреплялось не только общинное землепользование, но и государственное землевладение). Происходил процесс, обратный европейской традиции: не от родовой общины к территориальной, а затем — к частной собственности на землю, а от родовой, через «захватную» территориальную, — к уравнительной территориальной и государственной собственности на землю. Но то, что бурятская община также прошла этот путь, вероятно, зависело не только от российского подданства бурят, но и от природных условий их хозяйствования, сходных с условиями, окружавшими русских крестьян. Впрочем, это утверждение требует отдельного рассмотрения.

Итак, кратко подытожим сказанное:

1. Земельные споры, ставшие обычным явлением в общинах западных бурят, есть свидетельство кризиса территориальной общины.
2. Кризис территориальной общины был связан с нехваткой свободных земель (в силу чего прежняя, «захватная» община не могла развиваться) и проявился в стремлении общинников к уравнительному переделу и юридическому закреплению земель за общиной.
3. Упомянутый кризис был закономерным явлением и обнаруживал аналогии в процессах трансформации территориальной общины русских сибирских крестьян и крестьян Европейской России (на более раннем этапе).
4. Трансформация территориальной общины сопровождалась закреплением государственной собственности на землю и законодательным оформлением общинного землепользования (что также обычно для остальной России).

Примечания:

¹ См., например: Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX–первая треть XX вв.). Иркутск: Оттиск, 2003. С. 36.

² Сыденова Р.П. Иерархия общинных образований у западных бурят во второй пол.–начале XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1999. С.128.

³ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II. Вып. III. М., 1890. С. 20.

⁴ Петри Б.Э. Внутри-родовые отношения у северных бурят // Известия БГНИИ. Т. II. Вып. 3. Иркутск, 1926. С. 7.

⁵ Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX–начала XX в. Новосибирск: Наука, 1975. С. 34.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 86, 96.

⁷ Михайлов В.А. Земледелие западных бурят в XVII–начале XX века: дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. С. 115.

⁸ Материалы... Т. II. Вып. III. С. 1.

⁹ Там же. С. 81–83, 86–101; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II. Вып. VI. М., 1890. С. 81–86.

¹⁰ Материалы... Т. II. Вып. III. С. 94; Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 176. Оп. 6. Д. 22. Л. 6.

¹¹ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 345. Оп. 1. Д. 181. Л. 1–3, 6–7.

¹² Материалы... Т. II. Вып. III. С. 105.

¹³ Там же. Приложение III. С. 34.

¹⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 396. Оп. 1. Д. 1475. Л. 13.

¹⁵ Материалы... Т. II. Вып. III. С. 114.

¹⁶ Там же. С. 20.

¹⁷ Асалханов И.А. Указ. соч. С. 24; Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций: книга для учителя. М.: Просвещение, 1987. С. 34.

¹⁸ Материалы... Т. II. Вып. III. С. 125, 128, 130, 136.

¹⁹ НАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 100. Л. 1; НАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 298. Л. 1; НАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 547. Л. 1; НАРБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 203. Л. 1; НАРБ. Ф. 201. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

²⁰ Материалы... Т. II. Вып. III. С. 201.

²¹ Там же. С. 200.

²² Батуева И.Б. Социальное расслоение в бурятском скотоводческом хозяйстве в конце XIX в. // Социально-экономическое развитие Бурятии: XVII–начало XX вв. Новосибирск: Наука, 1987. С. 73.

²³ Санданов Ю.Б. Социально-экономическое развитие улусов Аларского и Тункинских ведомств Иркутской губернии (вторая половина XIX в.) // Социально-экономическое развитие Бурятии: XVII–начало XX вв. Новосибирск: Наука, 1987. С. 89.

²⁴ История Бурят-Монгольской АССР. Т. I. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1951. С. 410.

²⁵ Асалханов И.А. Указ. соч. С. 40.

²⁶ НАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1600. Л. 1 об.; НАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1978. Л. 1, 2 об.; НАРБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 83. Л. 1.

²⁷ Материалы... Т. II. Вып. III. С. 135.

²⁸ Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX века. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. С. 141, 145.

²⁹ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 77.